

ДИХОТОМИЯ ДРУЖБЫ И ВРАЖДЫ В РИМСКО-ВЕСТГОТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ КАК СТРАТЕГИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ: ТОРИСМУНД И ТЕОДОРИХ II

Статья посвящена периоду 451–466 гг. в истории вестготов и Римской империи. Рассматривается проблема сотрудничества и вражды вестготов и римлян через призму взаимной социальной и этнической адаптации. Эта адаптация – диалектически противоречивая, превращающая войну в знак дружбы и дружбу – в причину войны и при этом следующая логике естественных реакций на изменения в имперской политике и приоритетах. Анализируются данные письменных источников, освещающих обозначенный период в истории вестготов, а также рассматриваются и сопоставляются точки зрения различных отечественных и зарубежных историков-специалистов. Проблема взаимоотношений римлян и вестготов рассматривается в исторической, социологической и источниковедческой перспективе. На основе данных источников и историографии объясняется логика изменения методов и приоритетов вестготов во взаимодействии с римскими институтами.

Ключевые слова: вестготы; варвары; поздняя Римская империя.

Переселение варваров на территорию Римской империи в IV в. – одна из крупнейших этнических миграций в истории. История Древнего мира богата переселениями народов, завоеваниями, сокрушавшими древние царства, волнами варварских нашествий на цивилизацию. Достаточно вспомнить периоды истории Египта, связанные с нашествиями гиксосов, кушитов, ливийцев, персов; чередование цивилизаций на территории Месопотамии; переселение народов моря и т.д. Эти масштабные миграционные процессы были связаны с завоеваниями, распадом ранее сложившихся структур, зачастую с архаизацией общественных институтов. Историческое сознание и историческая мысль Древнего мира отразили подобное противостояние варварства и цивилизации, во многих случаях наделив его эсхатологическими интенциями. Сформировался историографический стереотип, воспроизводившийся в каждом подобном случае.

Очевидно, он сыграл свою роль в восприятии и отражении в источниках поселения варваров на территории Римской империи в 376 г. Однако эта миграция имела существенную специфику. Это было не завоевание, а расселение в иной культурной среде на основе интеграции в государственную структуру империи. Необходимость взаимной адаптации, вставшая перед варварами и римлянами, была лишь в малой степени отрефлексирована в общественном сознании современников, однако в действительности послужила причиной многих проблем в социальных и политических отношениях поздней Античности. С одной стороны, и римляне, и варвары стремились к налаживанию взаимодействия – это было взаимовыгодно и обусловлено исторической необходимостью; с другой стороны, традиции, этнокультурные установки и стереотипы, подобные упомянутому выше, провоцировали противостояние. Поэтому взаимоотношения римлян и варваров нельзя характеризовать однозначно, как это зачастую происходит в историографии. Они представляют собой диалектическую дихотомию интеграции и оппозиции, сотрудничества и конфликта.

Это состояние касалось не только самого момента переселения. Безусловно, первичный шок миграции и столкновения культур отразился непосредственно на поколении переселенцев, однако и последующие поколения как варваров, так и римлян испытывали те же

сложности взаимной адаптации. Интеграция этносов так и не была достигнута на всем протяжении существования империи. Попытки найти точки соприкосновения определяли противоречивость и кажущуюся непоследовательность в отношениях варварских вождей с римскими официальными лицами. Примером таких противоречивых стратегий являлась политика вестготских предводителей V в. Торисмунда и Теодориха II.

После гибели Теодориха I в битве на Каталаунских полях его преемником стал старший сын Торисмунд. То, каким образом произошел этот переход власти, свидетельствует о проблемности институционализации принципа верховной власти у вестготов. Иордан говорит, что, обнаружив Теодориха павшим, готы вручили правление величайшему, достойнейшему [1. С. 102]. Эти слова послужили основой для устойчивого историографического убеждения о большой роли народного собрания для вестготов и, следовательно, консервации или даже актуализации варварской племенной традиции в этот период. Однако следует отметить, что слова Иордана являются единственным указанием в источниках на то, что Торисмунд становится королем благодаря явно выраженной воле готов прямо на поле боя. Другие хроники говорят лишь о преемстве в правлении вестготами [2; 3; 4. С. 122; 5]. Более того, как отмечают Григорий Турский и сам Иордан, Аэций спровоцировал Торисмунда на скорейшее возвращение в Тулузу указанием на возможность захвата власти одним из его братьев («...ne germani eius... Vesegotharum regno pervaderent...») [1. С. 103; 6. С. 36]. То, что Торисмунд допускал такую возможность, свидетельствует о слабости его положения как наследника. Очевидно, признание его своим предводителем на поле боя участниками похода еще не значило легитимацию в качестве короля вестготов. Необходимость находиться для этого в Тулузе подразумевала, что именно там концентрировались основные силы и институты, от которых зависела преемственность правления. Следует предположить, что это в первую очередь ведущие роды и их лидеры, в том числе клан самого Торисмунда.

Несмотря на сеньориальный принцип наследования, братья Торисмунда, очевидно, имели возможность претендовать на королевский статус в случае поддержки других лидеров и комитов. Косвенно об этом говорят слова Иордана о том, что братья и влиятельные люди

возрадовались приезду Торисмунда («hic licet fratrum et fortium turba gauderet...») [1. С. 103], – и только таким образом вопрос о наследовании был снят.

Особенность политики Торисмунда, по сравнению с другими лидерами вестготов, проявилась достаточно быстро. В отличие от своего предшественника, он действовал не дипломатическими и договорными методами, но исключительно военными. Возможно, он подтверждал этим свою репутацию воина-предводителя, полученную на Каталонских полях. Однако при этом его цели оставались неизменными – распространение своего влияния как на имперские территории, так и на соседние варварские объединения. Иордан и Григорий Турский упоминают о походе на аланов, расселенных севернее вестготов, в области Орлеана [1. С. 105; 6. С. 36]. Несмотря на то что Иордан рассматривает эту акцию как помощь аланам против гуннов, Х. Вольфрам, как и другие авторы, оценивает этот поход исключительно в качестве завоевательного [7. С. 253]. Д. Клауде считает тот факт, что Торисмунд дошел до Орлеана, свидетельством уже произошедшего расширения земель, контролируемых вестготами, по сравнению с договором 418 г., на север [8. С. 50]. Э.А. Томпсон, в свою очередь, полагает, что Торисмунд закономерно продолжал стратегию своего отца, проводимую до 439 г., – военное освоение долины Роны [9. С. 51]. Однако источники не упоминают осады или взятия самого Орлеана в связи с этим походом или каких-либо долговременных его последствий для аланов. Отсюда можно предположить, что целью Торисмунда была, скорее, демонстрация силы и попытка привязать аланов к вестготам, то, чего ранее Теодорих добивался через создание системы брачных союзов. Подтверждением оценки поведения Торисмунда как стратегии демонстративной агрессии является его следующий поход – на центральный город провинции Арль. Торисмунд не планировал военного столкновения, а удовлетворялся почестями и уважительными речами местного префекта претория [10. С. 101; 11. С. 378].

С точки зрения Э.А. Томпсона, Торисмунд в своих действиях являлся выразителем традиционной ненависти вестготов к Риму [9. С. 52]. Нельзя согласиться с подобным однозначным и стереотипным толкованием его движущих сил и мотивов. Однако возможно, что Торисмунд пытался обосновать идентичность вестготской общности, исходя из идентичности готской дружины IV в. и ее военного вождя. В этом случае походы являются актом престижа, распространения власти через символические формы изъявления покорности со стороны уstraшенных или завоеванных народов – в этом смысле аланы и римляне были равноценными объектами для атаки.

Большинство источников сообщает о том, что вскоре Торисмунд был убит своими братьями [2; 10. С. 101]; Идаций приводит конкретные имена Теодориха (II) и Фредериха, которые за ним повторяет Исидор [3; 4. С. 122]. Иордан подтверждает факт убийства короля, однако не упоминает ни его причин, ни действующих лиц, что также косвенно указывает на факт заговора со стороны братьев – умолчание в данном случае свидетельствует, в свете неизменного пиетета Иордана по отношению к готам, о нежелании очернять

готскую историю братоубийством. Однако только Иордан, с другой стороны, приводит подробности смерти Торисмунда, героизируя его образ с помощью мифологических архетипов гибели в борьбе и отмщении («una tamen manu, quam liberam habebat, scabillum tenens sanguinis sui exitit ultor, aliquantos insidiantes sibi extinguens») [1. С. 105]. Этот эпизод следует расценивать именно как часть мифа, подчеркивающего роль Торисмунда как короля-воителя, которому подобает соответствующая смерть. Очевидно, к складыванию подобного образа существовали соответствующие предпосылки в виде воинственности этого короля.

Характерно, что римские авторы не видят положительных черт в образе Торисмунда: Проспер, Идаций и Исидор говорят о дурном нраве, вспыльчивости, злокозненности Торисмунда, сознательном разрушении им мира с римлянами и согласия внутри готского общества, считая это достаточными мотивами для убийства [2; 3; 4. С. 122]. Очевидно, что в глазах римлян его действия не имели оправдания, кроме личного неразумия. Заметно также, что негативная оценка формулируется не обобщенно в адрес варваров-готов, но по отношению к конкретному правителю, и таким образом Торисмунд оказывается в своих действиях маргиналом не только в рамках договора с империей, но и для своих собственных людей. Однако позицию романских авторов нельзя воспринимать как непредвзятую. Очевидна, с одной стороны, ее конъюнктурность, а с другой – приписывание историческим фигурам собственных интенций авторов.

Э.А. Томпсон, напротив, полагает, что в курсе, избранном Торисмундом, выражались интересы вестготского простонародья, вошедшие в противоречие с интересами элиты; однако знать была намного более заинтересована в сохранении добрых отношений с римлянами, нежели вестготское ополчение в их грабеже; кроме того, консолидированность и сила простонародья к этому времени практически исчезли [9. С. 52]. Характерные социальные акценты выводов этого исследователя несколько схематизируют роль Торисмунда, однако очевидно, что его действия расценивались ведущими вестготскими родами, и в частности его собственным в лице братьев, как неразумные и опасные, причем настолько, что повлекли за собой заговор. Речь идет именно о той стратегии действий, которую избрал Торисмунд, а не о простой борьбе за престол, поскольку первоначально легитимность его правления не была оспорена.

Точно так же не была оспорена и легитимность наследования его брата Теодориха II, несмотря на общеизвестность роли, которую тот играл в убийстве своего предшественника. Это еще раз подтверждает укоренение сеньориального принципа династического наследования в вестготской среде, следовательно, его компетенция процессу формирования вестготской идентичности. Но, кроме того, очевидно, что успешность и признание нового правителя основывались на изменении стратегии позиционирования вестготов по отношению к римским политическим и культурным структурам. Практически все исследователи отмечают это. Д. Клауде и Х. Вольфрам говорят о резком повороте к проримским действиям, восстановлении соблюде-

ния федератского договора, активном участии в делах империи [7. С. 254; 8. С. 50]. Э.А. Томпсон поражается факту самостоятельного подавления вестготами восстания багаудов в Испании без участия римских войск, но совершенного исключительно в интересах империи – в то время как ранее подобные восстания были скорее поводом для воинственных эскапад в целях торгова с римлянами [9. С. 53]. Действительно, Идаций прямо говорит о действиях вестготов против багаудов именно по приказу римлян («Per Fredericum Theudorici regis fratrem Vasaudae Tarraconenses caeduntur ex auctoritate Romana») [3]. Ни один из прочих источников не подтверждает данные Идация, однако нет причин ему не верить в силу признанной аутентичности его хроники испанским событиям. Поход вестготов против багаудов следует расценивать как очередную демонстрацию, однако в этот раз это демонстрация намерений нового короля признавать авторитет императора и свой статус федерата.

Э.А. Томпсон склонен видеть в этом признаки романизации Теодориха II, возрождение тенденции формирования идентичности готских правителей через службу империи, подобно Алариху и Атаульфу. Определяющую роль в формировании этой точки зрения в историографии сыграло хрестоматийное письмо Сидония Апполинария, в котором последний подробно описывает внешность, привычки и образ действий Теодориха II. В частности, автор указывает на гармоничное сочетание греческих, галльских и италийских норм и порядков при дворе этого короля («videas ibi elegantiam Graecam, abundantiam Gallicanam, celeritatem Italiam, publicam pompam privatam diligentiam regiam disciplinam») [11. С. 342]. Однако А.Р. Корсунский, ведущий советский специалист по данному периоду, отмечает архаический характер королевского двора вестготов [12. С. 50], в значительной мере сохраняющего племенные обычаи. Таким образом личность и политика Теодориха II в изображении Сидония дискуссионны.

П. Диас, пытаясь ответить на вопрос, насколько в образе Теодориха II у Сидония отражены римские и варварские черты и в какой пропорции они соотносятся, приходит к заключению, что Сидоний лишь панегирически воспроизвел по отношению к Теодориху II стереотипное расписание и манеру поведения отчасти римских императоров, отчасти провинциальных имперских функционеров – т.е. собственно германского элемента в описании Сидония не содержится. П. Диас предполагает возможность амбивалентности действий и привычек Теодориха II: для галло-римлян он был образцовым патрицием, для вестготов – вождем. Впрочем, исследователь здесь воздерживается от определенных суждений [13. С. 332]. П. Хизер, при своем ироничном отношении к Сидонию, не склонен воспринимать этот пассаж относительно романизации вестготского предводителя буквально. Он прямо говорит, что судить о реальном положении дел при вестготском дворе по тексту данного письма нельзя – оно лишь является неким сигналом для галло-римской знати, что Теодорих II – достойный партнер для отношений [14. С. 588; 15. С. 193]. Тем не менее подобный сигнал сам по себе говорит об определенных шагах, которые предпринимал Теодорих II для сближения с римляна-

ми, о его сознательной стратегии сотрудничества с империей.

Однако эта стратегия не повторяла образцы взаимодействия с империей предшественников Теодориха II (Алариха, Атаульфа, Теодориха I в периоды корректного исполнения ими условий foedus'a). Поход против багаудов был совершен самостоятельно, силами одних вестготов, а не в составе римской армии под общим командованием римского официала. В этой ситуации вестготские войска невозможно воспринимать как ауксилиев. Парадоксальным, на первый взгляд, образом исполнение вестготами своих обязательств по договору было свидетельством их растущей силы и самостоятельности – они действовали как автономная военная единица под командованием собственных предводителей. В свою очередь, это говорит о молчаливом признании подобного статуса вестготов имперским правительством.

Реакция римлян, в первую очередь – имперского центра, на действия варваров не менее важна для понимания сути интегративных процессов, нежели позиция самих варваров. В отношениях вестготов и римлян П. Хизер считает рубежным событием решение императора Петрония Максима просить у Теодориха II военной помощи вместо повинования, которого добивались ранее Констанций и Аэций – таким образом, впервые само имперское правительство признало свою слабость и зависимость [14. С. 584]. Представляется, что исследователь несколько драматизирует данные Сидония о посольстве Авита как представителя Петрония Максима к вестготам. Видение этого события Х. Вольфрамом является более взвешенным – этот автор расценивает действия императора как обоснованное беспокойство относительно поддержки крупной военной силы варваров в свете убийства предыдущего императора Валентиниана III, с которым вестготов связывал foedus. Таким образом, речь в данном случае шла лишь о подтверждении договора в связи со сменой власти в империи [7. С. 254]. Практика готов в персонализации договорных отношений была известна, отсюда естественным представляется желание Петрония избежать проблем.

Действительно, если верить словам Сидония, вестготы уже начали готовиться к войне, когда к ним прибыл Авит [11. С. 152]. В связи с повествованием об этом событии Сидоний упоминает созыв некоего совета старейшин для принятия решения о мире («...veterum coetus de more Getarum contrahitur...») [11. С. 156]. Автор представляет живописную картину собрания нищих стариков-оборванцев, славных своим прошлым – чем, возможно, подчеркивает нежизнеспособность и распад традиционных готских институтов во взаимодействии с римскими. Однако само упоминание о старейшинах Сидонием указывает на то, что подобный институт был ему известен и достаточно актуален для вестготов. Следовательно, предводитель вестготов и в середине V в. соотносил свои решения с представителями родов и кланов, входящих в вестготское объединение. Следует предполагать, что это было естественной практикой, в противном случае формировались заговоры против короля, участником одного из которых был сам Теодорих II. Однако при этом указы-

вать на существование совета старейшин как на пережиток племенных доримских традиций неверно, поскольку его роль, функции и состав существенно изменились в условиях империи.

Следующим этапом на пути сближения вестготов и римлян было провозглашение императором аквитанского аристократа Авита при существенной поддержке вестготов. В том, что для вестготов это событие стало одним из ключевых в трансформации отношений с империей, уверены большинство исследователей; П. Хизер, Р. Матисен и Х. Сиван придают ему особенное значение. С точки зрения П. Хизера, это была решительная, но неудачная попытка инкорпорирования готского элемента в имперские структуры, реанимирования распадающейся системы через слияние варварских и римских составляющих на основании сохранения имперских институтов [14. С. 586, 588; 15. С. 193]. Р. Матисен и Х. Сиван уточняют, что инициатором этой попытки была галло-римская аристократия, рассчитывающая наладить прочные связи с готами и получить возможность распоряжаться военными силами последних за неимением собственных [16. С. 18]. Другие исследователи склоняются к тому, чтобы считать главной движущей силой в данном случае Теодориха II [7. С. 254; 8. С. 50], буквально воспринимая слова Сидония: последний в своем панегирике приводит воззвание Теодориха II в адрес Авита подобрать упавшую имперскую корону во времена безвластия в Риме (после убийства Петрония Максима) ради сохранения договора с вестготами [11. С. 162].

Однако другие источники не подтверждают какую-либо деятельность предводителя вестготов в этом направлении, что заставляет считать высказывание Сидония риторическим приемом. Идаций отмечает особое уважение, которым пользовался Авит в Тулузе, но здесь же говорит о нем как об арльском августе («...Avitus Gallus civis ab exercitu Gallicano et ab honoratis, primum Tolosae, dehinc apud Arelatum Augustus appellatus...») [3]. Собственно Сидоний подтверждает, что вопрос об избрании императором Авита решался собранием галльской аристократии [11. С. 162], которое, очевидно, состоялось в Арле. Теодорих II вошел в Арль как друг и союзник уже после состоявшегося избрания, о чем свидетельствует Марий Аваншский [17]. Иордан вообще не отмечает участие Теодориха II в возвышении Авита. Таким образом, нельзя считать Авита марионеточным императором вестготов; скорее, этот эпизод следует расценивать как попытку реализации своих интересов галло-римской знатью в условиях вакуума власти в империи и устойчивых личных связей с вестготским правителем. Последнее и являлось определяющим в участии в этом событии вестготов. Теодорих II предоставил войско Авиту не столько по причине избрания того императором, сколько по личной просьбе последнего.

Источники отмечают, что Авит получил Италию с помощью галлов и готов, однако совершил роковую ошибку, отослав готские войска на освобождение Испании от свевов [3; 4. С. 122]. П. Хизер расценивает это не как стратегический просчет, а как ответный жест благодарности со стороны Авита в адрес вестготов, развязавший им руки в Испании [14. С. 589]. Однако

подобная позиция представляется спорной. Идаций говорит о непосредственном приказе со стороны Авита отправить готские войска в Испанию («Mox Hispanias rex Gothorum Theudoricus cum ingenti exercitu suo, et cum voluntate et ordinatione Aviti imperatoris ingreditur») [3]. Подобный самостоятельный поход вестготов не был первым и, по всей видимости, воспринимался как ординарное событие. В результате Авит оказался жертвой борьбы интересов италийской и галльской аристократии, от которой вестготы на тот момент явно сознательно дистанцировались. Последнее также следует воспринимать как часть стратегии поведения Теодориха II по отношению к империи: империя воспринималась им как структурное единство, как надэтническое и надпартийное формирование.

В связи с этой проблемой П. Хизер подчеркивает, что как раз через поддержку Авита вестготы, желая того или нет, вступили в фракционную борьбу в распадающейся империи и вынуждены были точнее определиться в своих интересах и пристрастиях [14. С. 594]. Переворот в Италии и убийство Авита упрочили тренд сближения вестготов и галло-римской знати, по мнению исследователя [15. С. 194], что послужило основой для становления новой идентичности – Тулузского королевства. Еще большее значение этим событиям придают Р. Матисен и Х. Сиван. Они полагают, что смерть Авита означала окончательное прекращение отождествления вестготами себя с *foedus*'ом и имперскими структурами, осознание ими собственной самостоятельности и начало территориальной экспансии в отношении римских владений в Галлии как освоения новых земель [16. С. 19]. Эту точку зрения поддерживает и Д. Клауде, считающий, что именно в это время происходит окончательное расхождение Теодориха II с Римом из-за явной бесперспективности дальнейших связей [8. С. 51]. Нельзя согласиться с предположением о столь радикальном разрыве преемственности взаимоотношений. Изменения в это время происходили в самой империи, все более подверженной сепаратистским тенденциям. Если же судить по действиям Теодориха II, никакого принципиального изменения в его стратегии отношений с империей не было: он продолжал исходить из понимания империи как высшей структуры, в рамках которой существуют вестготы.

Любой император, заставивший вестготов признать его как субъекта *foedus*'а, мог рассчитывать на их поддержку. Это очевидно на примере Майориана, нового императора, италийского военачальника, свергнувшего Авита и озаботившегося ситуацией с вестготами. Для вестготов походы на Арль явно выступали в качестве символических актов легитимации договорных отношений [7. С. 258]. Майориан успешно отбил демонстративный натиск вестготов на Арль и таким образом перезаключил *foedus* на себя [7. С. 256; 10. С. 102; 18. С. 85]. Поскольку договор был возобновлен и продлен, вполне естественным выглядило участие Теодориха II в действиях Майориана в Испании против свевов и вандалов («...nuntiantes Majorianum augustum et Theudoricum regem firmissima inter se pacis jura sanxisse, Gothi in quodam certamine superatis») [3]. Однако уже в этом случае в словах Идация заметно, что Теодорих II и Майориан воспринимались им скорее как равноправ-

ные союзники, а не в качестве иерархически соподчиненных единиц имперской структуры. При этом Теодорих II самостоятельно договаривался и заключал союзы со свевами и бургундами, что никак не контролировалось имперским правительством и, очевидно, воспринималось как должное [1. С. 105; 3].

Однако и это договорное состояние, только достигнутое, было вновь нарушено убийством Майориана. Соответственно, отношения империи и вестготов оказались необходимо выстраивать с исходной точки; император Ливий Север и стоящий за ним патриций Рикимер должны были обеспечить лояльность Теодориха II путем его прямого подчинения или, напротив, собственных уступок в условиях нового foedus'a. В качестве последних П. Хизер, Р. Матисен и Х. Сиван воспринимают передачу Нарбонны – а вместе с ней и выхода к морю – под контроль вестготов [3; 4. С. 122; 15. С. 194; 16. С. 20]. Таким образом, имперское правительство де юре санкционировало возможность территориального расширения владений вестготов, чем в дальнейшем воспользовались вестготские правители. Х. Вольфрам полагает, что процесс очередного разрыва отношений и перехода к агрессивной политике был начат Теодорихом II с завоевания бассейна Луары [7. С. 259]. Однако в противовес этому необходимо отметить, что походы Теодориха II совершались в рамках борьбы с не признавшим Майориана Эгидием и, вероятно, были легитимны и одобрены императором.

Но ситуация в империи не способствовала устойчивости интеграционных процессов. Частая смена императоров дестабилизировала обстановку, снижала институциональный авторитет имперской власти (что

отмечает Иордан) [1. С. 107] и приводила к параличу имперскую администрацию. 17-месячное междуцарствие еще более обострило эти тенденции [14. С. 607], что, безусловно, сильно, если не критично, сказалось на отношениях вестготов и империи. Возникла потребность в очередной смене стратегии, в адаптации к новым условиям. Очевидно, что Теодорих II был не способен к столь радикальному переосмыслению перспектив и приоритетов, как того требовала ситуация. В результате он был убит своим братом Эврихом в 466 г. Именно Эврих взял на себя ответственность выстраивать принципиально новую для вестготов, гибкую, лавирующую политику, учитывающую все многообразие групповых интересов внутри распадающейся империи.

Таким образом, за относительно небольшой период 451–466 гг., в течение одного поколения, вестготы опробовали три стратегии взаимодействия с римским социумом и государством. Эти стратегии явно различались в своих методах, в тактической реализации, но были направлены на одну цель – адаптацию вестготского объединения к условиям империи. Лишь в отдельные моменты в отношениях между варварами и римлянами возникало состояние, близкое к равновесному оптимуму, однако оно было недолговечным, разрушаясь по причине взаимного непонимания. Этому способствовала неустойчивая ситуация в структуре империи, связанная с распадом системы администрирования из-за кризиса власти и фракционной борьбы. Адаптация в условиях кризиса требовала от вестготов повышенной динамики изменения стратегий, что, в свою очередь, было причиной частой смены предводителей и резких поворотов в отношениях с римлянами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб. : Алетея, 1997.
2. *Хроника* Проспера Аквитанского. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Prosper_Aqvit/text1.phtml?id=6887
3. *Hydatii* Episcopi Chronicon. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/hydatiuschronicon.html>
4. *Исидор Севильский*. История готы, вандалов и свевов // Античные и средневековые источники по истории Испании. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.
5. *Chronicorum* Caesaraugustanorum reliquiae // Mommsen T. Monumenta Germaniae Historica. T. Auctorum Antiquissimorum. T. XI. Cronicorum Minorum. T. II. Berlin, 1894.
6. *Григорий Турский*. История франков. М. : Наука, 1987.
7. *Вольфрам Х.* Готы. СПб. : Ювента, 2003.
8. *Клауде Д.* История вестготов. СПб. : Евразия, 2002.
9. *Томпсон Э.А.* Римляне и варвары. Падение Западной империи. М. : Ювента, 2003.
10. *Тенденциозность* «Галльской хроники 511 года» // Античная древность и средние века. 2006. Вып. 37.
11. *Sidonius*. Poems and letters. London : William Heinemann Ltd, 1963. V. I.
12. *Корсунский А.П., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Римской империи и возникновение германских королевств. М. : Изд-во МГУ, 1984.
13. *Diaz P.C.* Visigothic political structures // The Visigoths from the migration period to the seventh century. Boydell & Brewer Ltd, 2003.
14. *Хизер П.* Падение Римской империи. М. : АСТ: Астрель, 2011.
15. *Heather P.* The Goths. Wiley-Blackwell, 1998.
16. *Mathisen R., Sivan H.* Forging a new identity: the kingdom of Toulouse and the frontiers of Visigothic Aquitania (418–507) // The Visigoths: studies in culture and society. BRILL, 1999.
17. *Марий Аваниский*. Хроника. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Marius_Aventic/frametext.htm
18. *Сказания* Приска Панийского // Ученые записки второго отделения императорской академии наук. Книга VIII, вып. 1. СПб., 1861.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июня 2013 г.